

РОЛЬ ПЕЧИ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ И НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КАРЕЛ

Каракин Евгений Валентинович,

*старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
(г. Петрозаводск, РФ), karakin.86@mail.ru*

Пашкова Татьяна Владимировна,

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
(г. Петрозаводск, РФ), tvpashkova05@mail.ru*

Введение. Статья посвящена изучению роли печи в одном из обрядов жизненного цикла (похоронно-поминальном), а также в народной медицине карел. Раскрываются функции печи на всех стадиях похоронно-поминального обряда, начиная с кончины человека. Рассматривая функции печи в народной медицине, авторы делают акцент на лечебной и оберегательной магии, в которых печь выступает проводником между земным и загробным мирами. Актуальность исследования определена отсутствием специальных работ на карельском материале, а также в сравнительном аспекте с другими финно-угорскими и славянскими народами.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили похоронно-поминальная обрядность карел и карельская народная медицина, рассмотренные с применением сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье предпринята попытка проанализировать функционирование печи в похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел. При анализе учитывались сравнительные данные прибалтийско-финских (финнов, велсов) и – шире – финно-угорских народов. Кроме того, привлекались сведения о традициях русских, исконно проживающих и контактирующих с карелами на одной территории. Были установлены общие черты в обрядах упомянутых народов на всех этапах погребения, а также при отходе умирающего в иной мир и в народной медицине.

Заключение. Фигурирующим в похоронно-поминальных обрядах и народной медицине карел предметам быта и некоторым представителям фауны приписывалась способность быть проводниками между земным и загробным мирами. Из предметов быта с культом предков ассоциировались печь и печная утварь, которые наделялись катартическими и апотропейными функциями и играли важнейшую роль в заключительном обряде жизненного цикла человека. Согласно данным по карельской народной медицине, собака, змея и ворона имеют связь с иным миром, в котором находятся болезни. Например, собака использовалась в лечебных обрядах с целью перемещения заболевания посредством этого животного из мира людей в иной мир. При избавлении от некоторых заболеваний собака и печь одновременно фигурируют в лечебном процессе.

Ключевые слова: похоронно-поминальная обрядность; народная медицина; печь; обряды; верования; карелы.

Для цитирования: Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Роль печи в похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 176–183.

Введение

Обряды жизненного цикла, включая похоронно-поминальные традиции, а также народная медицина карел неоднократно становились предметом исследования отечественных, финских и эстонских ученых. Однако некоторые особенности этапов перехода из одного мира в другой, погребения, возвращения с кладбища, поминок, а также иррациональных способов лечения остались вне поля зрения исследователей. Авторы ста-

тьи предпринимают попытку восполнить этот пробел. Речь идет об особенностях функционирования печи как проводника между земным и загробным мирами в похоронно-поминальных обрядах и народной медицине карел. Ранее к данной проблеме на карельском материале никто не обращался, что определяет научную новизну исследования. Имеющиеся в научных изысканиях упоминания о роли печи в указанных обрядах носят фрагментар-

ный и разрозненный характер. Целью статьи является определить роль печи в похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел.

Обзор литературы

В трудах отечественных и финских ученых содержится ценнейший фольклорно-этнографический материал по похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел. Из работ отечественных исследователей нами использовалась монография Ю. Ю. Сурхаско, внесшего значительный вклад в изучение духовной культуры карел, «Семейные обряды и верования карел: Конец XIX – начало XX в.» [11]. В монографии на карельском материале рассматриваются родильная и похоронно-поминальная обрядность, а также религиозно-магические элементы традиционной семейной обрядности. Большой интерес представляет также исследование выдающегося фольклориста У. С. Конкка «Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи», посвященное карельским обрядовым причитаниям в похоронном и свадебном обрядах [7]. Сборник текстов финского языковеда П. Виртаранта “Vienan kansa muistele” («Беломорский народ вспоминает»)¹ является энциклопедией народной жизни беломорских карел. Этот монументальный опус, изданный полвека назад, как и другие образцы речи карельского языка, до сих пор служит уникальным источником для лингвистов, этнографов и фольклористов. В книге С. Паулахарью “Syntymä, lapsuus ja kuolema” («Рождение, детство и смерть») [15], написанной на финском языке с включениями на собственно-карельском наречии карельского языка, рассматриваются такие обряды перехода, как рождение и смерть человека. Бесценный для книги материал был записан от А. Лехтонен, уроженки д. Войница Беломорской Карелии, в начале прошлого века. И. Кемппинен в монографии “Haudantakainen elämä: Karjalaisen muinaisuskon ja vertailevan uskontotieteen valossa” («Загробная жизнь: в свете древ-

них верований карел и сравнительного религиоведения» [14] рассматривает похоронно-поминальную обрядность карел сквозь призму их древних верований. Однако проблема, связанная с ролью печи в похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел, ранее не становилась предметом отдельного исследования.

Материалы и методы

При проведении исследования авторами использовались сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. С помощью сравнительно-исторического метода карельские народные представления о некоторых аспектах народной медицины и похоронно-поминальной обрядности изучались в сравнении между этнолокальными группами карельского народа с привлечением данных о традициях других народов, преимущественно финно-угорских и славянских. Сравнительно-сопоставительный метод как одна из процедур сравнительно-исторического метода применялся для анализа языкового материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Похоронно-поминальная обрядность – важнейший комплекс обрядов, завершающих жизненный цикл человека и направленных на благополучный переход из земного в загробный, или иной, мир. Карелы называют похороны «второй свадьбой», «грустной свадьбой» [15, 157], но в отличие от свадебной похоронная обрядность является более консервативной и устойчивой к трансформациям. Это объясняется тем, что в похоронно-поминальных обрядах в качестве инициаторов и хранителей ритуала преимущественно выступают представители старшего поколения, в то время как свадебная и родильная обрядность связана с представителями младшего поколения [11, 52].

Фигурирующим во многих обрядах карел предметам быта или представителям фауны приписывалась способность быть проводниками между земным и загробным мирами. Согласно данным по карель-

¹ См.: Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958.

ской народной медицине, собака, змея и ворона имеют связь с иным миром, в котором находятся болезни. Именно поэтому, например, собака использовалась в лечебных обрядах с целью перемещения заболевания посредством этого животного из мира людей в иной мир. Из предметов быта с культом предков ассоциировались печь и печная утварь, которые наделялись катартическими и апотропейными функциями и играли важнейшую роль в заключительном обряде жизненного цикла человека. Иногда в одном обряде использовались и печь, и представитель животного мира.

Печь фигурировала на всех стадиях похоронно-поминального обряда, начиная с самой кончины человека. По народным представлениям, смерть наступает в тот момент, когда душа покидает тело. Случается, что человек не может умереть и мучается перед кончиной, бьется в агонии. Как говорят карелы, *kuolema on kovinda työtä* ‘смерть самая тяжелая работа’ [13, 446]. Для обозначения такого состояния в карельском языке существует выражение *henki karkautuu; henki on karannun* ‘душа не может покинуть тело, застревает (букв.: убегает, пускается в бегство)’. Согласно верованиям карел, если душа не может выйти, она возвращается в тело умирающего. Это может произойти, когда нарушается тишина в избе. Любой шум может «спугнуть» душу. Умирающего не оставляли одного, кто-то должен был «сторожить» (*varteija henkie*) его душу. Тем, кто оставался рядом с отходящим в иной мир, было запрещено разговаривать. Причиной тяжелого ухода могли быть незаконченные дела умирающего, о которых он думал и мучился. Чтобы облегчить кончину, незавершенное изделие или шитье сжигалось в печи. Однако в некоторых районах Карелии (например, в Сегозерье) незаконченные рукоделия доделывались за покойника, пока тот находился в избе [7, 39]. Грешная жизнь умирающего также могла стать причиной длительной и мучительной кончины [15, 89].

Наступление смерти наблюдали по движению воды в миске, которую стави-

ли рядом с умирающим: колыхание воды означало, что душа вышла. Если при выходе душа застревала, то умирающий начинал хрипеть. В таких случаях для облегчения кончины повсеместно на территории Карелии прибегали к элементам уподобительной магии с использованием печи. Открывали дымоволок, трубу, а с появлением печных вьюшек и их [14, 27]. Кроме того, на крыше над тем местом, где лежал умирающий, поднимали доски (иногда также открывали окна и двери). Это делалось для того, чтобы душа, вылетая, не снесла заднюю стенку дома [15, 89]. Данный обряд был широко распространен и у восточных славян [1, 164–165] и финнов [16, 622]. Открытые печная труба, окна и двери служили выходом для души. По народным представлениям, печная труба, как и сама печь, – это канал между земным и иным мирами. В переходе из одного мира в другой прослеживается мотив пути. Открывание трубы является устранением препятствий на пути души и раскрытием ворот в иной мир.

В некоторых карельских лечебных обрядах одновременно фигурируют печная труба и собака. Это связано с тем, что они ассоциировались с загробным миром, в который карелы пытались отправить болезни. Например, в Петрозаводском уезде при лечении рахита у ребенка знахарка брала с собой в баню младенца и щенка и парила их поочередно. Затем щенка бросали в печную трубу и при этом произносили: “*Kunne kudžu, sinne koiran vahnus!*” «Куда щенок, туда и собачья старость!»² (*koiran vahnus* – ‘рахит (букв.: собачья старость)’).

После кончины покойник три дня находился в избе, и к нему приходили проститься родственники и соседи, принося с собой стряпню: рыбники, калитки, сканцы. Позднее ритуальную выпечку стали заменять буханки хлеба, печенье, пачки чая и т. д. По мнению У. С. Конкка, данный обычай может быть связан с запретом топить печь, пока в избе находится покойник [7, 51]. Объяснением этому может служить и польское поверье, согласно

²Gorškova E. Karjalazien perindöt da tavat // Oma muu. 2000. № 33, 35. S. 3.

которому душа, прежде чем уйти на «тот свет», пребывает на покаянии в печи определенный срок, поэтому нельзя жарко топить печь³.

По поверьям, душа, отделившись от тела, три дня находится в доме и, сидя на печном столбе, наблюдает за подготовкой тела к похоронам. Душа все видит и слышит, поэтому о покойнике говорят или хорошо, или ничего. Душа не случайно выбирает это место, ведь печь, как и подпол, в верованиях карел тесно связана с культом предков. Когда-то прародительницу рода было принято хоронить под печью в подполе жилища. В дальнейшем она становилась духом-покровителем для своих потомков [11, 27].

Печь сопровождала человека на протяжении всего жизненного пути. Считалось, что он нуждается в ней и в мире ином. Подтверждением этому служит наличие очагов, сложенных из камней, в древних погребениях, обнаруженных во время археологических раскопок [7, 62].

Гроб является последним пристанищем человека. Связь понятий «гроб» и «дом» наблюдается в одном из названий гроба в карельском языке: *kuolienkodi* 'дом мертвых'. На это же указывают существовавшие у карел причитания, обращенные к гробовщикам, в которых содержалась просьба стесать гроб – вечное жилище покойника с элементами реального дома: с окном хоть с петушинный глазок и печью хоть с ласточкино гнездышко [7, 61–62].

По народным представлениям, покойник будет мерещиться домочадцам, если солому, на которой он лежал, его постельные принадлежности, щепки от гроба и прочий мусор сжечь в печи. Поэтому все это сжигалось на улице до похорон [14, 31]. Согласно поверью: куда дым от сжигания щепок направлялся, там и следующий покойник⁴.

Умерших от падучей болезни и покойников, страдавших при жизни психиче-

скими заболеваниями, не мыли и клали в гроб ничком. Поднимали тело в гроб с помощью кочерег, не прикасаясь руками. Использование кочерги здесь не случайно. Верили, что так болезнь уйдет с покойником и не останется в роду [14, 28].

Перед выносом покойника из дома плакальщица от его имени причитала, прощалась с домом, в том числе с печью как одним из важнейших элементов избы. Просила прощения за свое возможное неуважительное отношение к ним при жизни, желая обеспечить себе покой в ином мире [7, 69]. Так, в причитании, записанном в д. Салменица Пряжинского района, у покойника спрашивают о том, как встретили его прародители, уложили ли на теплую печь, истопили ли баню [7, 50–51]. Все это свидетельствует о том, что печь являлась неотъемлемым атрибутом и земной, и загробной жизни.

С целью защиты домочадцев от влияния *kalma* (букв.: смерть, могила) – болезни, которая, по поверью, приставала от кладбища или покойника (см. подробнее об этом: [10]), на то место в избе, где стоял гроб с покойником, клали или бросали железный предмет (кочергу, ухват, крюк с шестка) и сыпали горячую золу [11, 82; 14, 31]. Все эти предметы были не просто железными, они еще имели и прямое отношение к печи, что усиливало их оберегательную функцию. Отправляясь на кладбище, близкие родственники покойного для защиты от *kalma* в качестве индивидуальных оберегов завязывали в концы головного или шейного платка мелкие камешки, найденные в печи. Вернувшись домой, эти камешки бросали под печь [11, 83]. У сегозерских карел существовал обычай заглядывать в подпол и подпечье со словами: «Как эта темень исчезает, так и ты исчезни из моего сердца, из моей головы...», чтобы меньше тосковать по усопшему [5, 29].

Наиболее распространенным способом очищения от *kalma* по возвращении с похорон было очищение водой или огнем. На территории Карелии повсеместно зафиксирован такой элемент обрядности, как прикладывание рук к печи: ладонями или ладонями и их тыльной

³ См.: Топорков А. Л. Печь // Славянские древности: этнолингв. слов. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва, 2009. Т. 4. С. 41.

⁴ См.: Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. S. 183.

стороной. Касаясь печи, приговаривали: «Покойник остался в земле, мы ищем теплую печь» [6, 149]. Вепсы, вернувшись с кладбища, первым делом касались руками печи, считая, что таким образом приобщаются к «теплому» миру живых и очищаются от соприкосновения с «холодным» миром мертвых⁵ [3, 163]. Среди карел бытуют разные мотивировки данного обряда: «чтобы покойнику было теплее», «чтобы передать привет с кладбища предкам, захороненным под печью», «чтобы не тосковать по усопшему, чтобы не бояться покойника, горестных воспоминаний и снов» [4, 160]. Детям касание ладонями печи объясняли следующим образом: «чтобы руки не мерзли зимой». Этот обряд бытует в сельской местности Карелии и сегодня. За неимением печи в современных квартирах люди, соблюдая традиции, продолжают касаться руками батареи парового отопления, что указывает на архаичность обряда [9, 298]. Он известен и другим народам. Например, южные коми-пермяки для очищения от смерти и преодоления страха перед умершим, придя с кладбища, прикасались к печи и заглядывали в нее [12, 14]. Мордва заглядывала в печь, чтобы не бояться покойников [8, 82]. Обряд знаком и восточным славянам [1, 164–165]. По народным представлениям, человек, прикоснувшись к любым деталям очага, автоматически попадал под покровительство хозяев дома [2, 28].

На поминки (сорочины и годовщину) покойнику стелили постель на теплой печи, думая, что ему будет приятно погреться после холодной могилы. На печи же накрывали импровизированный стол [7, 109].

Заключение

В похоронно-поминальной обрядности карел переплелись языческие и христианские элементы. Печь как языческий центр избы связана с дохристианскими представлениями о душе, очищении от болезни *kalma* и загробном мире. Фигурирующие в похоронно-поминальных обрядах и народной медицине предметы быта и некоторые представители фауны наделялись способностью быть проводниками между земным и загробным мирами. В некоторых карельских лечебных обрядах одновременно фигурируют печная труба и собака. Это связано с тем, что они ассоциировались с загробным миром, в который карелы пытались отправить болезни. У карел, как и у других финно-угорских и славянских народов, существовали культ огня и культ предков. Из элементов карельской избы с культом предков ассоциировались печь и подполье, которые наделялись катартическими и апотропейными функциями и играли важнейшую роль в заключительном обряде жизненного цикла человека. Несмотря на трансформации, некоторые элементы похоронно-поминальной обрядности, связанные с катартическими функциями печи, сохранились и бытуют в сельской местности до сих пор.

⁵ См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 345.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
2. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этногр. очерки. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 166 с.
3. Винокурова И. Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1999. С. 148–167.
4. Винокурова И. Ю., Минвалеев С. А. Поминальная обрядность карелов-людиков: ареальная характеристика на фоне общих и локальных традиций соседних народов // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 152–170.
5. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / У. С. Конкка, А. П. Конкка. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 216 с.

6. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
7. Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 295 с.
8. Корнишина Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2. С. 80–85.
9. Логинов К. К. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья / отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008. С. 291–300.
10. Пашкова Т. В. Религиозно-мифологические представления карелов о заболевании *kalma* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 100–102.
11. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: Конец XIX – начало XX в. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 170 с.
12. Чугаева С. В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2011. 19 с.
13. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 1974. 591 s.
14. Kemppinen I. Haudantakainen elämä: Karjalaisen muinaisuskon ja vertailevan uskontotieteen valossa. Helsinki: Karjalan Tutkimusseura, 1967. 224 s.
15. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia / toim. Pekka Laaksonen. Porvoo: WSO, 1995. 248 s.
16. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo: WSO, 1977. 776 s.

Поступила 07.02.2020, опубликована 07.08.2020

THE ROLE OF THE FURNACE IN KARELIANS FUNERAL AND MEMORIAL RITES AND FOLK MEDICINE

Yevgeniy V. Karakin,

Senior lecturer, Department of Baltic-Finnish Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia), karakin.86@mail.ru

Tatyana V. Pashkova,

Doctor of History, Head of Department of Baltic-Finnish Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia), tvpashkova05@mail.ru

Introduction. The article studies the role of the furnace in funeral-memorial rite and folk medicine of the Karelians. The study examines the functions of the furnace at all stages of the funeral-memorial rite, starting with the death of a person. The authors address the issue of the function of the furnace in folk medicine, focusing on healing and protective magic, which also traces the furnace with one of its functions: an intermediary between the earthly and the afterlife. The relevance of this study is determined by the absence of special works based on Karelian material, as well as in comparison with the Finno-Ugric and Slavic peoples.

Materials and Methods. The material for the study was the funeral-memorial rites of Karelians and Karelian folk medicine studied using comparative-historical and comparative-comparative methods.

Results and Discussion. This article analyzes the functioning of the furnace in funeral-memorial rites and folk medicine of the Karelians. The analysis considered the data of the Baltic-Finnish peoples (Karelians, Finns, Vepsians) and, more generally Finno-Ugric peoples. In addition, it reviewed the information about the traditions of Russians who originally lived at the same territory with the Karelians. In the course of the study, it established the common features in the rites at all stages of burial of the studied peoples, and in folk medicine at the moment of a person passing away when a dying person departs to another world and.

Conclusion. Household items, funeral ceremonies and folk medicine appearing in funeral rites, as well as some representatives of the fauna were endowed with the ability to be an intermediary between the earthly and the underworld. Among the household items, a furnace and its utensils associated with the cult of ancestors, which were endowed with cathartic and apotropaic functions and played a crucial role in the final rite of a person's life cycle. According to data on Karelian folk medicine, it was believed that a dog, a snake and a crow have a connection with the "other" world, where diseases come from. For example, a dog was used in medical rites to remove the disease from the world of people to the «other» world. In some cases, both a dog and a furnace appear in the process of treatment.

Key words: funeral and memorial rituals; folk medicine; bake; furnace; beliefs; Karelians.

For citation: Karakin YV, Pashkova TV. The role of the furnace in Karelians funeral and memorial rites and folk medicine. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 2: 176–183. (In Russian)

REFERENCES

1. Bayburin AK. Housing in rites and representations of the Eastern Slavs. Leningrad; 1983. (In Russian)
2. Bayburin AK, Toporkov AL. At the origins of etiquette. Ethnographic essays. Leningrad; 1990. (In Russian).
3. Vinokurova IYu. Fire in the Vepsian mythology. *Vepsy: istoriia, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty: sb. nauch. tr.* = Vepsians: History, culture and interethnic contacts. Collection of scientific papers. Petrozavodsk; 1999: 148–167. (In Russian)
4. Vinokurova IYu, Minvaleev SA. Funeral ritual of Karelian-Ludic people: areal characteristic against the background of general and local traditions of neighboring peoples. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic review. 2018; 4: 152–170. (In Russian)
5. The spiritual culture of the Segozero Karelians of the late 19th – early 20th centuries. Leningrad; 1980. (In Russian)
6. Karelian Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk; 1983. (In Russian)

7. Konkka US. The poetry of sorrow. Karelian ritual crying. Petrozavodsk; 1992. (In Russian)
8. Kornishina GA. House and ritual in the traditional Mordovian culture. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanities: actual problems of humanitarian science and education. 2012; 2: 80–85. (In Russian)
9. Loginov KK. Funeral and funeral ritual. *Istoriia i kul'tura Siamozer'ia* = History and culture of Samozerye. Petrozavodsk; 2008: 291–300. (In Russian)
10. Pashkova TV. Religious and mythological representations of Karelians about *kalma* disease. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2019; 4 (181): 100–102. (In Russian)
11. Surkhasko YuYu. Family rites and beliefs of the Karelians: The end 19th – early 20th centuries. Leningrad; 1985. (In Russian)
12. Chugayeva SV. The traditional funeral and memorial rite of the Komi-Permyaks (late XIX – XX centuries). Abstract of dis. ... Cand. of Hist. Sci. Moskva; 2011. (In Russian)
13. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki; 1974. (In Karelian)
14. Kemppinen I. Haudantakainen elämä karjalaisen muinaisuskon ja vertailevan uskontotieteen valossa. Helsinki; 1967. (In Finnish)
15. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo; 1995. (In Finnish)
16. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; 1977. (In Finnish)

Submitted 07.02.2020, published 07.08.2020